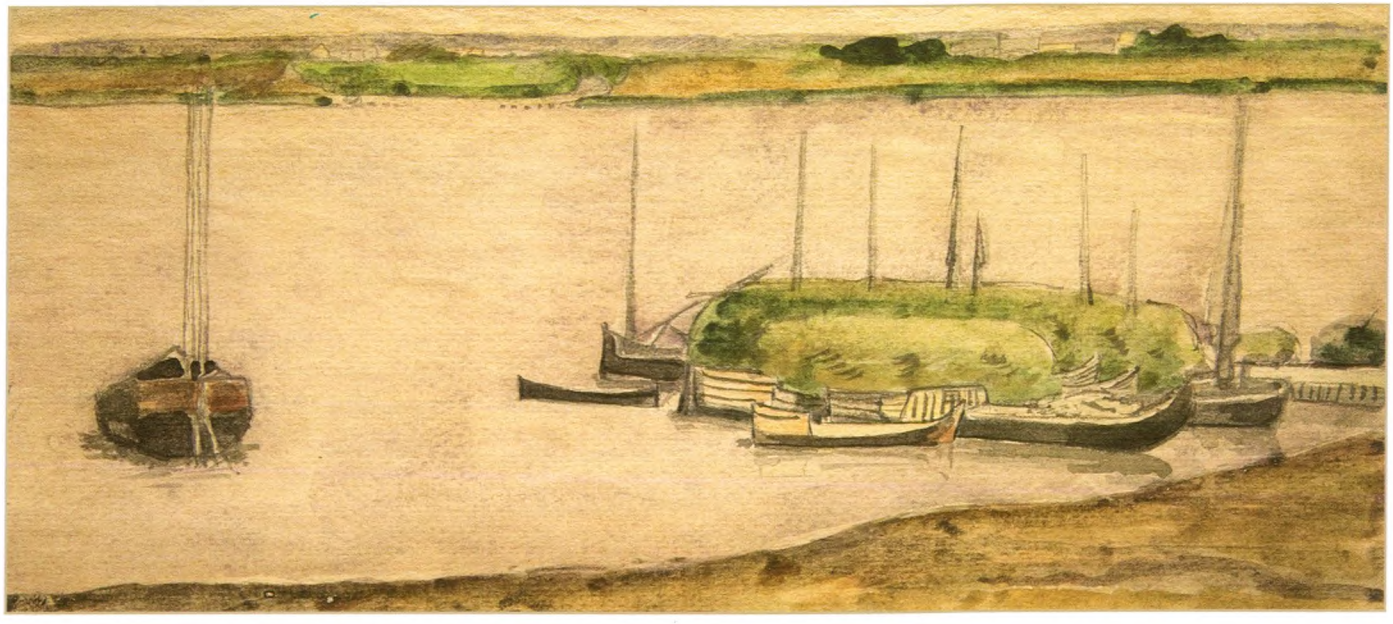
Деятельность архитектора А. В. Холопова в Архангельске и Ленинграде 1925-1942 годы

Архитектурная практика в Архангельске

В последние годы явно ощутим интерес к архитектурному авангарду. Он обусловлен, прежде всего, взлетом архитектурной мысли, которую пережила Советская Россия, ставшая на непродолжительное время лидером в этой области. С другой стороны, изучение авангарда продиктовано и временной дистанцией, которая необходима для оценки любых явлений, ставших целостным выражением эпохи, каковым является стиль. И наконец, находившийся под запретом во времена культа личности И. В. Сталина, не нашедший должного понимания в последующий советский период, архитектурный авангард фактически подвергся угрозе уничтожения. Но только в постсоветское время актуализирована проблема сохранения этого пласта культурного достояния.

Один из ведущих исследователей советской архитектуры, С. О. Хан-Магомедов, не только определил хронологические рамки авангарда 1917-1934 годами, но и предложил его внутреннюю периодизацию: 1917-1924, 1925-1927, 1928-1931, 1932-1934 годы. По значимости он особо выделил два средних этапа.

В 1925-1927 годах на фоне восстановительных работ, строительства промышленных предприятий, жилых комплексов для рабочих, первых крупных общественных зданий развернулись формообразующие и стилеобразующие поиски в архитектуре, приведшие к утверждению основных принципов авангарда. Несмотря на то что новое творческое направление стало преобладающим, оно сосуществовало с другими творческими течениями, сохранялась



Вид на Двину. Каталог, 59

профессиональная полемика, что, в свою очередь, создало чрезвычайно плодотворную ситуацию для генерирования новых творческих идей.

1928-1931 годы – время расцвета советского архитектурного авангарда, когда страна была превращена в огромную строительную площадку, а центр тяжести творческих и теоретических разработок переместился в область градостроительных проблем и массового жилищного строительства. В этот период советская архитектура оказывала все большее влияние на развитие и формирование авангардного направления мировой архитектуры.

Давая историческую оценку авангарду, С. О. Хан-Магомедов выделил особые условия его развития в России, обеспечившие «небывалый по качественным результатам прорыв в новое, в котором соединились новаторские поиски, как «эпохальные» (общие для развития мировой литературы и искусства), так и социальные (результат влияния Октябрьской революции). Именно это соединение эпохального и социального, характерное в таком соотношении только для нашей страны, дало «искру», которая «выбросила» советскую архитектуру (и искусство в целом) далеко вперед, сделав ее мощным генератором первичных идей, которые привели к оглушительному международному резонансу советского искусства 1920-х годов»[1]. Выдвижение России в лидеры мировой архитектуры вызывает интерес к сопоставлению архитектуры центра и провинции. Не менее важна проблема отражения на периферии новейших течений и воплощения их в деятельности местных мастеров.

Еще один подход к изучению данного периода советской архитектуры содержится в исследованиях Д. С. Хмельницкого. Выдвинув идею поэтапной сталинизации зодчества, автор особо выделил 1929 год, так как тогда произошла смена политического устройства. Переход от коллегиального правления к единоличной диктатуре Сталина определил промежуток между 1929 и 1932 годами, время кажущегося художественного благополучия и побед деятелей левой архитектуры[2]. Однако с этим можно согласиться только отчасти, так как рубеж 1920-1930-х годов – это период активнейшего строительства в провинции сооружений в стиле авангарда. Новейшие идеи воплощали и те архитекторы, которые работали в провинции.

Можно предположить, что активизация архитектурной жизни в середине 1920-х годов стала еще одной возможной причиной отъезда А. В. Холопова из Усть-Сысольска. Архитектор выбрал Архангельск. Город мог привлечь зодчего как областной центр, имевший более развитую социокультурную среду, получавший субсидии под строительство, а значит, и большие возможности для работы по профессии. В 1924 году, накануне переезда А. В. Холопова, в Архангельске было учреждено товарищество северных художников, состоялась первая художественная выставка, открылся первый на севере стадион и начато строительство стадиона для спортивного общества «Динамо».

Точное время переезда А. В. Холопова определено по подписям, сделанным художником на своих работах. Последнее документальное сообщение о пребывании архитектора в Усть-Сысольске относится к марту 1925 года. 26 июня 1925 года датирован графический лист, изображающий небольшую часовню на Северной Двине. Добраться из Усть-Сысольска в Архангельск можно было только с помощью водного транспорта по Северной Двине. Можно предположить, что рисунок был сделан во время переезда. Первая архангельская датировка произведения – 12 сентября 1925 года.

Первое упоминание о работе А. В. Холопова в Архангельске содержится в документах Управления губернского инженера – структуры, созданной при президиуме губернского исполнительного комитета Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов (губисполкома) для контроля над городским строительством.

В соответствии с документами управление возглавлял Д. К. Пруссак. Характеристика губернского инженера, имеющаяся в письме А. В. Холопова брату Николаю, свидетельствует, что он был уже в возрасте («борода, как у Черномора») и входил в круг петербургских архитекторов (хорошо знал Р. Ф. Мельцера). Эти данные дают основание предположить,

что в Архангельске работал Дмитрий Константинович Пруссак (1859-?) – петербургский архитектор, окончивший в 1881 году Строительное училище (с 1882 года – Институт гражданских инженеров). До революции им был построен ряд зданий в столице, среди которых доходный дом и театр В. А. Панаева (совместно с А. И. Ковшаровым, 1886-1887, 1897), больница Общины Святой Евгении (1896-1899) и др. Приехав в Архангельск как инженер треста «Северолес», он в апреле 1925 года был назначен губернским инженером и проработал в этой должности до 1927 года.

Отдел местного хозяйства губисполкома, в который поступил работать А. В. Холопов, имел достаточно широкий спектр обслуживания. Он был создан в 1924 году на основе упраздненных губкоммунотдела (отдела коммунального хозяйства) и губсовнархоза (отдела советского народного хозяйства). В силу этого отдел контролировал как местную промышленность и торговлю, так и коммунальное хозяйство, дорожное строительство[3]. Отдел имел внутренние подразделения, А. В. Холопов приступил к службе в должности архитектора подотдела благоустройства.

Управление губернского инженера состояло из представителей отделов и управлений, входивших в состав технических совещаний. А. В. Холопов посещал их в качестве постоянного представителя отдела местного хозяйства (ОМХ) Архангельского губисполкома. Технические совещания были наделены полномочиями контроля над соблюдением общегосударственных строительных норм и местных постановлений по строительной части в противопожарном и санитарно-техническом отношениях, составления заключений по строительным проектам, выдачи разрешений на осуществление работ, технико-экономического регулирования местного строительства, его учета и пр. Выдача заключений по проектам строительства зданий была ведущим направлением в работе совещаний. Так, среди проектов, рассмотренных в 1926 году, были школы в Пинеге и нескольких деревнях Исакогорской волости, шпалорезной завод на станции Плесецкая, летний театр, жилые дома и другие постройки для Архангельска и Архангельской губернии[4].

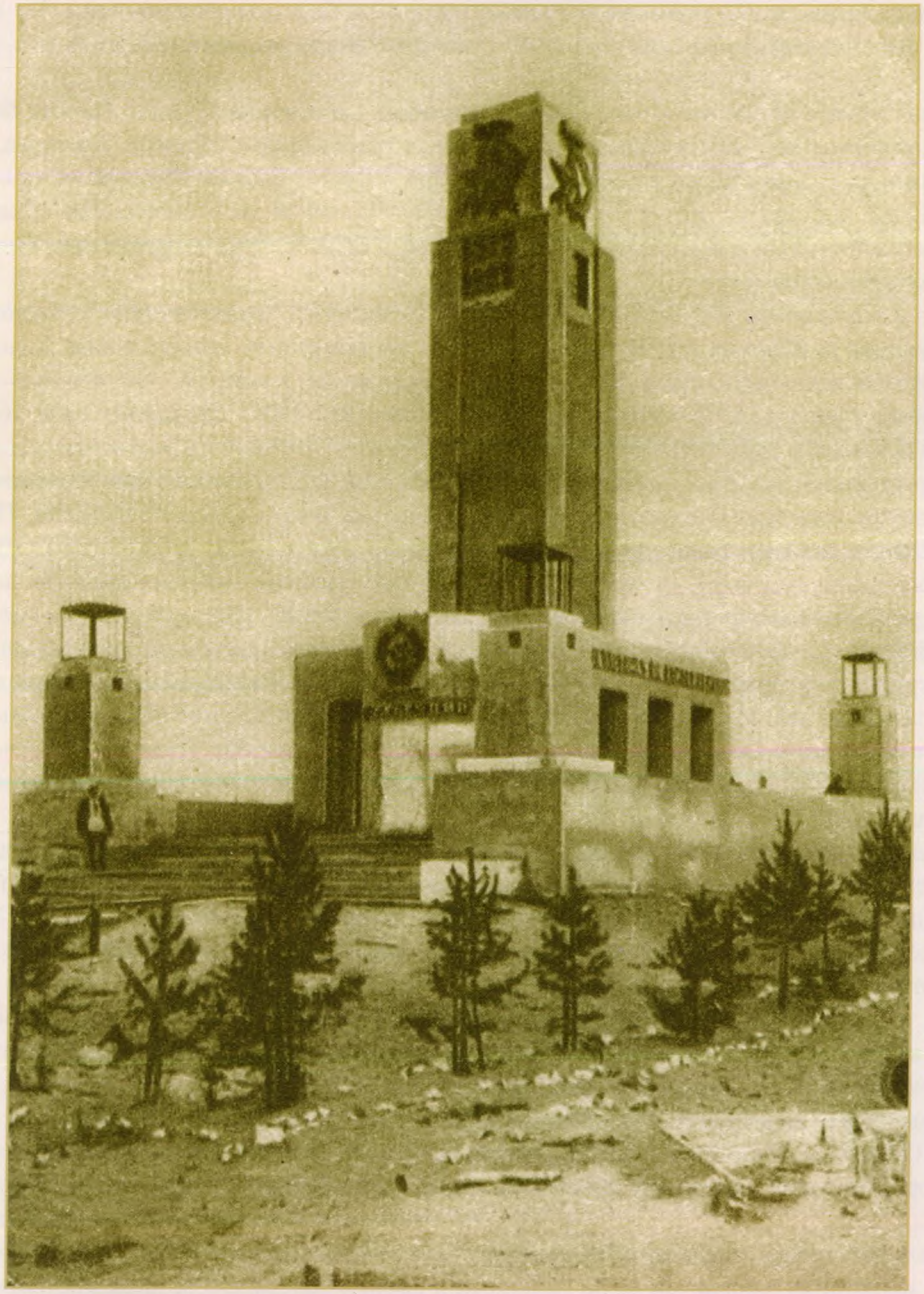
По имеющимся сведениям, А. В. Холопова стали приглашать на эти совещания с марта 1926 года. Но такая административная работа не могла устраивать Холопова, он искал возможности претворить в жизнь свои знания и опыт практикующего архитектора.

К 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Архангельске было решено создать памятники и обустроить братские могилы на островах Мудьюг и Иоканьга, где в годы гражданской войны интервентами были устроены концентрационные лагеря. Особое внимание было уделено острову Мудьюг, известному как «остров смерти». На этом острове, расположенном в 60 км от Архангельска, в Двинском заливе Белого моря, погибли многие из тех, кто устанавливал Советскую власть в Архангельске и губернии. Остров стал символом героизма и трагедии: поднятое заключенными восстание в сентябре 1919 года было жестоко подавлено, и только небольшой группе восставших удалось совершить побег на материк[5].

Для подготовки празднования 10-летия Октябрьской революции при президиуме Архангельского губисполкома была создана специальная комиссия во главе с председателем президиума губисполкома И. С. Кочетовым. Протоколы комиссии отражают историю проектирования памятника. Уже на втором заседании, 23 апреля 1927 года, говорили о необходимости быстрейшей проработки вопроса о возможностях сооружения революционных памятников[6]. 7 мая определили места возведения монументов – острова Мудьюг и Иоканьга, а также дату их открытия – 7 ноября.

20 июля состоялось специальное заседание, посвященное утверждению проектов памятников. Проекты представляли и защищали сами авторы. На заседание пригласили двух авторов – Ф. Я. Давыдова и А. В. Холопова. Вероятно, на комиссии рассматривали проекты, ранее отобранные на конкурсной основе.

Один из авторов – художник Федор Яковлевич Давыдов (1904-1938), уроженец Орловской губернии, в 1920-1930-е годы жил в Архангельске, работал художником в артели «Ударник»[7]. Он представил эскизы к обоим памятникам. Памятник на острове Иоканьга Ф. Я. Давыдов планировал как малозатратный упрощенный вариант, «сцементирование



Памятник жертвам интервенции на острове Мудьюг. Каталог, 132

груды камней и прикрепление к ней мраморной доски», который и был принят комиссией. По проекту памятника на острове Мудьюг имеется только решение комиссии: отклонить ввиду завышенной, до 76 тыс. рублей, сметы расходов.

А. В. Холопов выступил с проектом только одного памятника, на острове Мудьюг. Проект был одобрен как соответствующий художественным, техническим и финансовым требованиям. «Проект Холопова, – записано в протоколе заседания комиссии, – построен в современном стиле в форме башни. Нижняя часть – форма трибуны с колоннами. По смете на сооружение требуется до 20 тыс. рублей. Холопов дает технические объяснения по проекту, указывая на современный стиль и его легкость, так как он должен быть построен пустотелым высотой до 9 саженей, ширина колонны 1 сажень в диаметре»[8].

4 октября проекты памятников обсуждали на заседании президиума Архангельского губисполкома. В протокол была внесена следующая резолюция: «1. Проект памятника, составленного архитектором Холоповым, утвердить. 2. Надписи на памятнике поместить: русскую со стороны, обращенной к могилам, английскую – со стороны моря. 3. В датах на памятнике отметить: 1918-1920 – годы интервенции; 1917-1927 – десятилетие Октябрьской революции. 4. Решетчатые окна оставить с двух боковых сторон»[9].

Задержка с утверждением проекта и сжатые сроки строительства делали сомнительной возможность сооружения памятника к указанному времени. С самого начала строительства возникло много проблем. Первая заключалась в поиске средств. Деньги должны были предоставить несколько учреждений: губисполком (10 тыс. рублей), губпрофсовет и межкооперативный совет (по 8 тыс.), губком (1 тыс. рублей). Вовремя средства поступили только от губисполкома. Губернский межкооперативный совет внес 1,5 тыс. рублей[10]. Смета на сооружение памятника в сумме 19 тысяч 965 рублей была составлена во второй половине сентября, а уже в начале октября выяснился ее перерасход.

К финансовым трудностям прибавились организационные проблемы. Главным подрядчиком стал торговый порт, на который было возложено всё: от закупки и доставки материалов до проведения подготовительных работ на месте и возведения самого памятника. Основные работы были развернуты в сентябре. На строительство было выделено 50 рабочих. Губисполком оказывал поддержку строительству, в том числе дополнительным снабжением рабочих порта продуктами питания[11].

Однако в середине октября выяснилось, что достроить памятник к юбилейной дате вряд ли удастся. Была создана комиссия, которая выезжала на остров Мудьюг. Комиссия заключила, что задание по постройке памятника к юбилею Октября торговый порт выполнить не в состоянии, поскольку из-за холодов невозможно дальнейшее ведение работ. Было принято решение о достройке монумента летом следующего года и приурочивании открытия памятника к 10-летию начала интервенции союзников на Севере[12].

Таким образом, то, как сооружался памятник и какие проблемы выявились в ходе работ, свидетельствует о расстроенном хозяйстве Архангельска и позволяет сделать вывод о несоответствии архитектурного замысла и проекта А. В. Холопова экономическим и социальным реалиям времени.

Несомненно, срыв сдачи монумента к юбилею Октября должен был иметь последствия для лиц, ответственных за строительство. Основные нарекания комиссии были высказаны в адрес руководства торгового порта. Однако технический надзор, детальная разработка проекта, а также окончательное определение его стоимости лежали на архитекторе. В отношении монумента на острове Мудьюг президиум Архангельского губисполкома дал поручение рабоче-крестьянской инспекции «расследовать причины медленного хода постройки памятника и выяснить виновных лиц»[13]. Какие испытания выпали на долю Холопова в связи с задержкой возведения памятника, выяснить по сохранившимся документам не удалось.

Памятник на о. Иоканьга был возведен в срок, его открытие состоялось 7 ноября 1927 года. Средств на его строительство было потрачено более запланированного, в связи с чем Ф. Я. Давыдов, автор проекта, вынужден был отчитаться на заседании комиссии. Его доводы о целесообразности и необходимости превышения сметы были приняты.

По имеющимся в литературе сведениям, построенный по проекту А. В. Холопова монумент, названный «Жертвам интервенции 1918-1920-х годов», был завершен в 1928 году, на его открытии присутствовало 5 тыс. человек[14].

Представить монумент, созданный по проекту архитектора, можно благодаря открытке, изданной в Москве в 1953 году (тираж 8 тыс. экземпляров). Это комплексное сооружение, расположенное на обустроенной площадке, несколько возвышающейся над общим уровнем острова. Его центральная часть – «башня» – имеет трехъярусную композицию, в которой нижний ярус является своеобразным пьедесталом. По углам площадки расположены 4 башенки небольших размеров, по форме сходные с центральной. Автор использовал простые прямоугольные геометрические формы, задавшие сооружению вертикальный ритм при общей статичности формы.

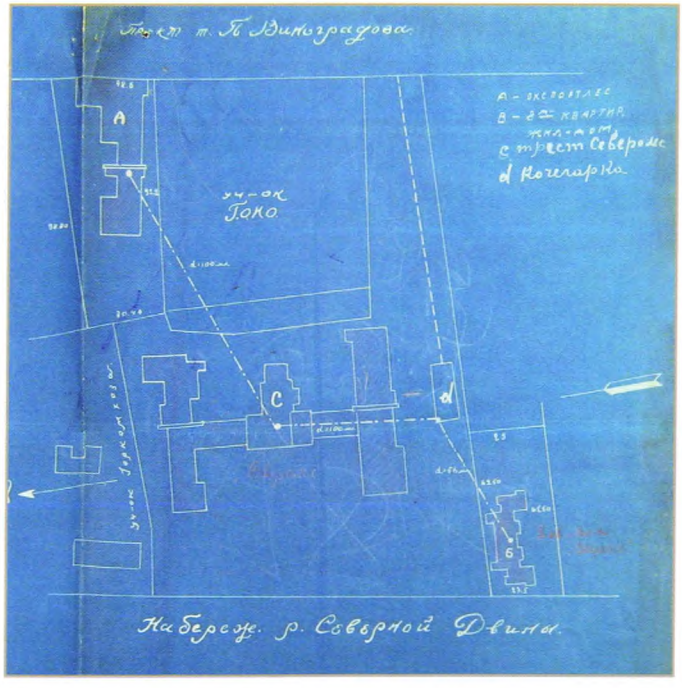
Можно предположить, что в основу идеи памятника заложен образ смотровой вышки, символизирующей стратегическую значимость острова для защиты города. Он повторен в монументе 5 раз: четыре угловые, уменьшенные в размерах, смотровые вышки восходят к центральной, превращенной в обелиск. В оформлении центральной башни использованы детали, «рассказывающие» о трагедии: окна с решетками (остров был превращен в концлагерь, смотровые вышки стали наблюдательными пунктами), надписи «Жертвам интервенции», «1918-1920 годы». Увенчивают обелиск символы советского государства: звезда, серп и молот.

Сопоставляя формообразующие элементы памятника с инженерно-строительными конструкциями, можно заметить, что более всего они соответствуют железобетону. При строительстве были использованы дерево и металл. По-видимому, корректировка материала была внесена автором еще во время работы над проектом с целью его удешевления.

Идея памятника предполагает проведение массовых мероприятий вокруг него. С этой целью автор ввел в решение нижнего яруса центральной башни трибуны. Несомненно, что агитационное воздействие памятника, вложенное в его образ, увеличивалось во множество раз во время празднования революционных дат и дат памяти.

Памятник, возвышающийся на острове, был расположен таким образом, что был виден любому кораблю, входящему в дельту Северной Двины, при подходе к Архангельску отдавалась дань уважения памяти тех, кто был похоронен на острове.

Таким образом, не имея возможности применить свои силы в градостроительстве, А. В. Холопов, восприняв идеи монументальной пропаганды, был вынужден заняться политически ангажированной работой, которая вылилась в строительство монумента



План расположения зданий Экспортлеса и Северолеса в Архангельске. Из фондов Государственного архива Архангельской области

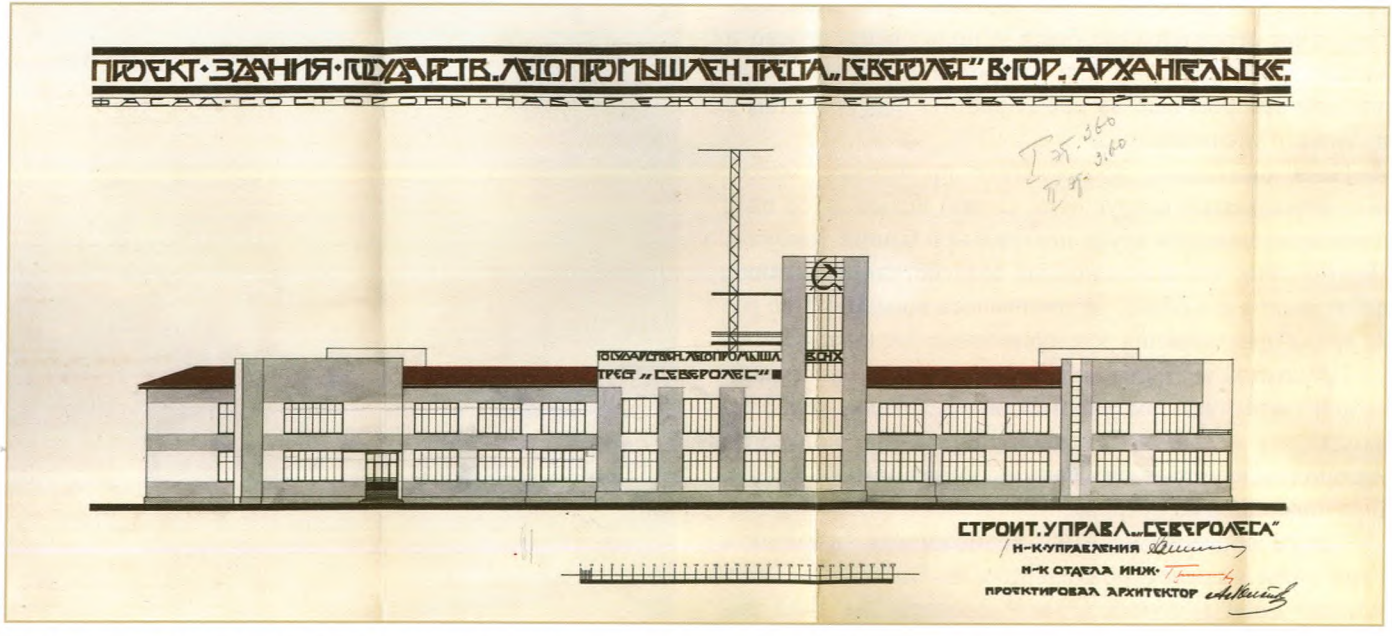
«Жертвам интервенции 1918-1920-х годов». Сооружение отразило новый взгляд автора и на работу с простыми геометрическими формами, и на социальную суть монумента: агитационное воздействие памятника не только включено в архитектурно-художественный образ, но и в его назначение – служить трибуной во время массовых советских мероприятий.

Памятник, созданный по проекту А. В. Холопова, просуществовал тридцать лет. В 1958 году он был заменен гранитным обелиском. Автор обелиска, архитектор В. Н. Чесноков, сохранив основные идеи и общую форму предшествующего сооружения, выразил ее более лаконично, соотнеся с традиционной формой монументов, характерных для 1950-х годов. Имя А. В. Холопова, как создателя первого памятника, сохранено в истории Архангельска[15].

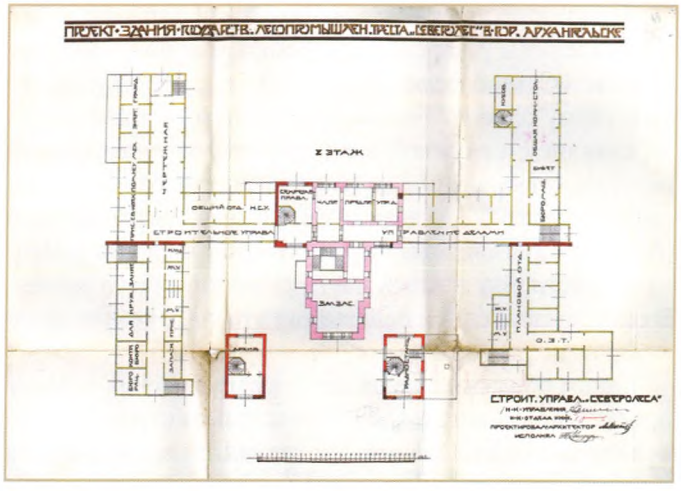
Каких-либо документальных подтверждений о взаимосвязи строительства памятника и переходом А. В. Холопова на другую работу не найдено, однако с 1928 года трудовая деятельность Александра Викентьевича была связана с государственным трестом «Северолес», где он заведовал строительной частью[16].

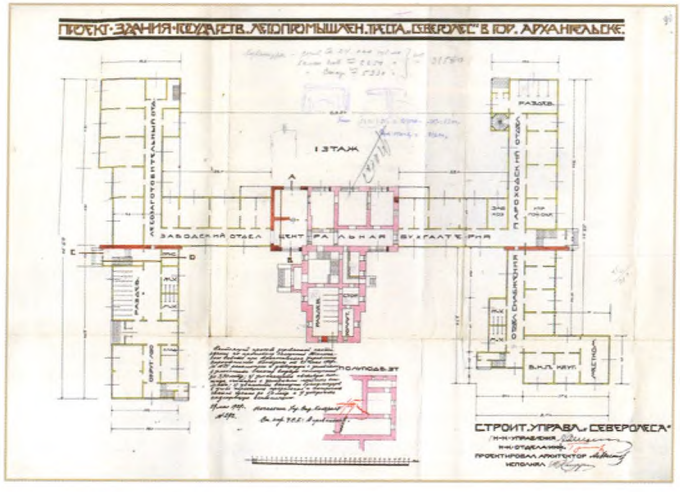
Государственный лесопильно-деревообрабатывающий трест «Северолес» был образован в 1921 году для управления лесной промышленностью Северо-Беломорского экономического района и имел правление в Москве. В 1928 году правление треста было переведено в Архангельск. Первоначально ему были отведены несколько помещений в здании Губсоюза[17], однако уже весной 1929 года был поставлен вопрос о строительстве собственного здания. Тресту был крайне необходим архитектор с опытом домового строительства, что было связано с обустройством «Северолеса» в Архангельске. Проектом и строительством занялся А. В. Холопов.

А. В. Холоповым было составлено два проекта. Первоначальное задание было рассчитано на проектирование каменного трехэтажного здания, включавшего в себя офисные и жилые помещения. На нижних этажах предполага-



Проект здания государственного лесопромышленного треста «Северолес». Фасад.
Из фондов Государственного архива Архангельской области





Проект здания государственного лесопромышленного треста «Северолес». Планы этажей. Из фондов Государственного архива Архангельской области

лось разместить кабинеты, рассчитанные для работы 380 человек, и зал заседаний вместимостью до 200 человек, на 3-ем этаже – строительное управление на 70 человек и 10 квартир для сотрудников и членов их семей, что вообще-то соответствовало канонам и принципам возведения служебных помещений в дореволюционной России.

Однако предложенное задание вскоре было изменено. В то время существовало правило, что проекты, стоимость которых превышала лимитную сумму в 200 тыс. рублей, утверждал Высший технический комитет ВСНХ в Москве. Между тем «Северолесу» уже в 1928–1929 годах удалось получить финансирование за счет текущих операционных средств, с последующим включением их в контрольные цифры 1929-1930 годов[18]. Смета на строительство нового здания в любом случае превышала указанный лимит, поэтому был начат поиск более дешевого варианта.

Из сложившейся ситуации архитектор нашел следующий выход. Во-первых, он запланировал поэтапное строительство трех зданий: собственно здания управления «Северолеса», вводимого в первую очередь, 8-квартирного жилого дома для членов правления, которое планировалось построить следом, и, в третью очередь, здания «Экспортлеса» (к этому времени отдел экспорта был выделен в самостоятельную структурную единицу). Для удешевления строительства первого здания, сроки ввода которого поджимали, а средства были ограничены, было решено частично использовать имевшийся жилищный фонд.

Между тем переведенный из столицы трест занял значимое место в структуре города, и к строительству здания его управления было приковано особое внимание. В первую очередь, к выбору его месторасположения.

В 1929 году из Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области был образован Северный край, центром которого стал Архангельск. Это поставило «задачу создания нового административного и культурного центра города, который бы отвечал возрастающему значению Архангельска и его социалистической сути»[19]. С начала 1930-х годов стала осуществляться реконструкция исторического центра города – площади Ленина (в разные годы – Октябрьской, Соборной) и близлежащих к ней районов. Недалеко от площади, между набережной Северной Двины и проспектом Павлина Виноградова и был выбран участок земли под строительство «Северолеса» с находящимся на нем зданием бывшего английского консульства.

Здание Экспортлеса. Архангельск, пр. П. Виноградова, 61. 1940 год. Из фондов Архангельского областного краеведческого музея

Архитектор писал в пояснительной записке: «Для удешевления и ускорения постройки решено было правлением «Северолеса» пристроить к существующему каменному зданию бывшего Английского консульства деревянное с наружной и внутренней оштукатуренной поверхностью здание на каменных столбах, отделив предельные размеры здания каменными брандмауерами [глухими противопожарными стенами] и сделав каменную пристройку в левой части существующего здания. В связи с изменением основного материала здание спроектировано двухэтажным»[20].

Таким образом, еще на стадии согласования задания проект был урезан дважды: отказались от строительства нового каменного здания, а в варианте переустройства имевшегося здания основным материалом определили дерево. В этой ситуации А. В. Холопов пытался отстоять уровень решения проектируемого им здания, однако был вынужден работать в рамках «удешевления и ускорения» постройки.

Следующим шагом к проекту стал осмотр здания бывшего английского консульства представителями горсовета, «Северолеса» (от треста участвовал А. В. Холопов) и горкомхоза. Составленный акт свидетельствовал о возможности переустройства здания под управление треста. Изношенность дома составляла 65-70%, а требуемая на переустройство сумма доходила до 75 тыс. рублей.

12 апреля 1929 года между строительным управлением государственного лесопромышленного треста «Северолес» и Архангельским городским отделом коммунального хозяйства был заключен договор о том, что Городской коммунальный отдел продает строительному управлению здание бывшего английского консульства, числящееся под № 73 по Набережной Северной Двины и под № 65 по проспекту П. Виноградова, за 25 тыс. рублей. На момент подписания договора здание было населено, поэтому также оговаривались вопросы выселения и устройства жильцов.

25 мая проект был представлен на заседание Технического совета при Управлении строительного контроля губисполкома, однако разрешение на строительство было дано только в отношении деревянных пристроек. По каменному зданию был затребован новый акт технического осмотра, с подробным описанием состояния, конструкций ответственных частей и степени износа. Осмотр был проведен 5 сентября. В новом акте указана причина отсрочки разрешения на переустройство здания: оно имело две вертикальные трещины от цоколя до карниза на стене северного фасада и более мелкие трещины над окнами[21].

Во всех перечисленных документах присутствует подпись А. В. Холопова, являвшегося уполномоченным представителем «Северолеса». Заведуя строительной частью треста, он совмещал и творческую, и организационную, и административную работу. Сложность заключалась и в том, что строительство здания предполагалось на набережной (оно считалось парадным, ориентированным на речную гладь), а достаточно средств на это отпущено не было.

Проект представлен в чертежах с пояснительной запиской. В последней содержатся изменения, внесенные в проект. Наряду с перепланировкой кабинетов введены дополнительные площади под столовую, комнату для кружковых занятий, радиопередающую станцию, коммутатор, раздевалку и др., что сделало проект более приспособленным к нуждам служащих. Кроме того, во всех трех зданиях предполагалось выполнить достаточно высокий уровень бла-

гоустройства. Планировалась отдельная котельная для отопления, общая дворовая канализационная сеть для установки вододействующих уборных, а в жилом доме – ванн, в здании управления треста предполагалась вентиляционная система[22].

На чертежах изображены фасад здания со стороны набережной, планы первого и второго этажей с разрезами, проект переустройства дома бывшего английского консульства. Здание двухэтажное, состоит из трех корпусов, центральный корпус – дом бывшего английского консульства – имеет возвышающуюся на уровне третьего этажа пристройку. Боковые корпуса расположены перпендикулярно к центральному, выступая с обеих сторон, они образуют внутренние дворики у фасада здания и с противоположной стороны, выходящей на проспект П. Виноградова. Линии наружных стен в чертежах боковых корпусов имеют множество прямоугольных изломов. Разнообразные геометрические формы частей здания, наравне с рядами огромных оконных проемов, придают строению ту конструктивность, которая характерна для авангарда.

Здание Северолеса. Вид с набережной. Архангельск, пр. П. Виноградова, 57. 1940 год. Из фондов Архангельского областного краеведческого музея

Здание не сохранилось до наших дней, однако его внешний облик можно увидеть на фотографиях, сделанных в 1930-1940-е годы[23]. Предельно простое геометрическое решение, ступенчатый характер прямоугольных форм, большие окна, образно собранные в гигантские ленты, опоясывающие этажи, на крыше – куб с надписью из гигантских букв «Северолес». Современники любовались зданием и прославляли его, что нашло отражение в мемуарах историка-краеведа, руководителя Костромского научного общества по изучению местного края В. И. Смирнова (1882-1941). Подпавший под репрессии, сосланный из Москвы в Архангельск, он писал: «Если вы осматриваете город летом, назад пройдитесь набережной. Здесь разбит небольшой березовый бульварчик, мостики арками, несколько недурных зданий, в том числе новенькое белое здание «Северолеса», которым гордится город»[24].

В монографии историка архангельской архитектуры Ю. А. Барашкова здание «Северолеса» приводится как первое, построенное в городе в конструктивистском стиле. Датируя его 1929 годом, автор называет следующие авангардные постройки: Театр драмы (1931), отделение Государственного банка СССР (1931), Дом Советов (1932), Главпочтамт (1932). Эти здания, построенные рядом с «Северолесом», были выполнены, в отличие от него, в камне. Давая характеристику этим строениям, исследователь пишет: «Конструктивизм привнес в архитектуру Архангельска монолитный железобетон, большие остекления, металлические конструкции. Проявления конструктивизма в городе интересны еще и тем, что во многих случаях он был реализован в традиционном для города материале, хотя деревянные стены зданий в большинстве случаев штукатурились, иногда с имитацией под железобетон. Однако строительная техника и технология 20-х годов были еще отсталыми, качество строительства невысоким, отсюда и объективные трудности в утверждении нового архитектурного стиля в городе…»[25].

Застройка центра Архангельска, начатая в 1929 году в конструктивистском стиле, спустя десятилетие была признана ошибочной. В предвоенные годы были намечены основные градостроительные планы Архангельска (получившие название «Большой Архангельск»), которые велись под руководством генерального архитектора города В. Г. Гершельмана. В одной из его статей, изданной в 1937 году, говорилось: «Современная планировка Архангельска

имеет целый ряд существенных недостатков, заключающихся... наконец, в неправильной простановке в архитектурно-постановочном отношении ряда крупных зданий. Время возведения этих зданий относится к периоду, когда архитектурная практика была далеко не на высоте и, к сожалению, строительство это распространялось на самые ответственные пункты города»[26].

Таким образом, по мнению архитектурных кругов, не только качество строительства, но и индивидуальность конструктивистских проектов явились причиной последующего сноса этих зданий, мешавших ансамблевой советской застройке ведущих улиц и площадей города.

В дальнейшем строительстве в Архангельске А. В. Холопов не участвовал. Существует еще один источник, проливающий свет на перипетии его судьбы. В документах личного состава треста «Северолес» присутствует служебная записка с краткими характеристиками на некоторых сотрудников треста, в том числе и на Александра Викентьевича. «Холопов – хороший архитектор, но плохой администратор. Мало удовлетв[оряет] как зав[едующий] строит[ельной] частью»[27]. Замечание по своей сути содержит признание высокого уровня профессиональной компетентности архитектора, но недостаточное проявление качеств руководителя и организатора, потребность в которых в послереволюционную эпоху ощущалась особенно остро на периферии.

Таким образом, переехав в Архангельск, А. В. Холопов получил возможность работать по специальности и включился в архитектурную жизнь страны на уровне областного (краевого) центра. За годы его пребывания в Усть-Сысольске в архитектурном деле произошли многие изменения, которые ему нужно было осознать, принять и включиться в работу.

Первый фактор, с которым встретился архитектор, – это смена стиля. Профессиональное мастерство А. В. Холопова позволило ему быстро переориентироваться на работу с кубическими объемами и построить первое в Архангельске здание, отвечающее принципам конструктивизма. Несомненно, в этом ему помогла практика предреволюционных лет в Петербурге, когда он проектировал и строил корпуса для фабрики Ф. Ф. Мельцера, в ходе которой приобрел опыт работы с железобетонными конструкциями. Ситуация в Архангельске была такой, что требования, предъявленные к зданию, соответствовали новым формо- и стилеобразующим началам, а на деле архитектору пришлось перестраивать старое здание, сделав имитацию дерева под железобетон. Вместе с тем, сравнивая проект здания управления треста «Северолес» с возведенным ранее по его проекту монументом «Жертвам интервенции...», можно отметить развитие конструктивистских тенденций в его творчестве.

Гораздо сложнее для него обстояло дело с изменением круга обязанностей архитектора. А. В. Холопов занимался архитектурным проектированием, находясь на руководящей строительной должности, которая предполагала решение материаль-

Портрет С. О. Латкина. Каталог, 124

В. Д. Холопова-Новодворская и Ариадна Холопова. Архангельск, 1929 год.
© Вятский художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых

но-организационных вопросов строительства. Его личного организаторского таланта было недостаточно для того, чтобы стимулировать движение механизма строительства в сложнейших условиях нехватки людских и технических ресурсов.

Кроме того, нельзя игнорировать отношение к А. В. Холопову как к «старому специалисту», подразумевавшее настороженность со стороны руководящих органов. С другой стороны, внутренние опасения должны были сопровождать и самого архитектора: многие из тех, кто входил в круг его общения до революции, в дальнейшем эмигрировали. В 1926 году произошло событие, которое могло иметь для него негативные последствия, – арест вернувшегося в Россию С. О. Латкина, одного из организаторов сопротивления режиму большевиков в Коми крае, с кем был хорошо знаком архитектор. В 1927 году С. О. Латкин был приговорен к смертной казни как «враг народа». Несомненно, этот факт стал жизненным ударом для А. В. Холопова.

Возможно, что угрозу репрессий от самого архитектора отвели родные, оставшиеся в Усть-Сысольске. Переписка с братом Николаем, наладившаяся после его отъезда в Архангельск, вскоре прекратилась, а по городу прошел слух, что Александр Викентьевич умер.

Сотрудничество в мастерской треста «Ленпроект»

К 1932 году А. В. Холопов вернулся в Ленинград. Можно предположить, что архитектурная практика в Архангельске упрочила его стремление вернуться к тому архитектурному проектированию, возможности которого мог дать только крупный город. В качестве личных мотивов переезда выступает желание родителей жить с дочерью.

Жившая в детстве с родителями в Петербурге и уехавшая вместе с ними в Усть-Сысольск, она, оставив учебу на втором курсе Зырянского института народного образования, вернулась в 1923 году в Ленинград. Желание найти лучшую долю побудило Ариадну Холопову поступить на французское отделение Фонетического института практического изучения языков, в котором она училась с 1924 по 1926 год[28]. Спустя два года она решила попробовать себя в изобразительном искусстве и стала заниматься в 1-й художественной студии на проспекте Красных Зорь Петроградской стороны (в настоящее время – Кировский проспект). В 1927 году состоялось бракосочетание Ариадны Александровны Холоповой и инженера-геодезиста Ленэнерго Германа Николаевича Шмидта. Желая иметь твердый заработок, Ариадна в 1928 году окончила чертежные курсы при Обществе архитекторов. В 1931 году в семье родился первенец – дочь Ольга[29].

А. В. Холопов возвращался в город, где ему первую поддержку могли оказать не только родные, но и те, с кем он был духовно близок, – Д. И. Митрохин, К. С. Петров-Водкин. Дружба с Д. И. Митрохиным продолжилась в 1920-е годы. В 1927 году художник по приглашению А. В. Холопова побывал у него в гостях в Архангельске[30]. Общение с семьей Петрова-Водкина продолжалось уже не только между старшим поколением, но и между детьми[31]. Старые знакомства и профессионализм сыграли не последнюю роль в поисках работы и обустройстве после возвращения.

В начале 1930-х годов на базе «Стройкома», первой государственной строительной конторы в Ленинграде, упомянутой в тексте ранее, был создан Государственный трест «Ленпроект»[32]. Одновременно с учреждением треста при нем были организованы мастерские, занимавшиеся вопросами градостроительства. В одной из них, мастерской № 3, и работал А. В. Холопов, уточнить данную информацию помогли надписи на эскизах его проектов. Однако прежде чем перейти к самим проектам, рассмотрим два события, которые коренным образом изменили архитектурную жизнь страны и которые совпали с приездом А. В. Холопова в Ленинград. Первым из них стало образование Союза советских архитекторов.

Рубежом государственной политики в области культуры стало постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о роспуске литературно-художественных группировок и создании единых творческих союзов.

Перестройка устаревших форм литературно-художественных организаций была начата с писателей. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) была поставлена задача «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» и «провести аналогичные изменения по линии других видов искусства»[33]. В научной литературе общепризнанной является оценка подобных Союзов как формы «огосударствления», изобретенной сталинским руководством. Все это напрямую относится и к Союзу архитекторов, созданному по тому же приему «сплошной коллективизации искусства».

Официально Союз советских архитекторов был создан в июле 1932 года. Цель его учреждения – руководство творческой профессиональной деятельностью, предусматривавшее контроль над всеми формами и составляющими архитектурно-градостроительной деятельности: производственными, педагогическими, клубными; над формированием и распределением заказов на проектирование, над содержанием архитектурного творчества, вплоть до мыслей и поступков архитекторов.

По принципам своей деятельности он был уподоблен партийной организации. С образованием Союза архитекторов СССР была ликвидирована любая профессиональная критика: понятие «творческая дискуссия» было однозначно заменено понятием «классовая борьба». Вхождение в Союз непартийных специалистов подставляло их под удар генеральных чисток партии. Уже в первый год существования Союза была проведена подобная чистка под лозунгом выявления социально-чуждых элементов и бывших оппозиционеров. В 1933 году состоялся ее новый виток, определивший более широкий круг жертв под термином «ненадежные»[34].

А. В. Холопов был принят в Ленинградское отделение Союза советских архитекторов. Скорее всего, для тех, кто находился на государственной службе, вступление в Союз было обязательным. С другой стороны, в жизни А. В. Холопова были факты биографии, которые могли вызвать негативное отношение властей. Не только дореволюционный опыт работы, но и его деятельность в советский период могли наложить отпечаток на судьбу архитектора. В 1930-е годы были осуждены многие из тех, с кем он работал в Усть-Сысольске в начале 1920-х годов. Видимо, угроза была для архитектора реальной, и он стремился избежать репрессий. Одним из таких поступков стала смена национальной принадлежности. В первой половине 1933 года в Ленинграде, в ходе реформы паспортизации, он получил новый паспорт, в котором в графе «национальность» было указано – русский.

Вторым событием, повернувшим вспять вектор развития архитектуры, стал Всесоюзный конкурс проектов Дворца Советов с участием зарубежных зодчих, в ходе которого произошла официальная смена стиля. Конкурс был объявлен летом 1931 года, когда конструктивизм считался официальным советским стилем, однако по итогам второго и последующих туров победителями были признаны проекты, связанные с классицизмом.

По мнению Д. С. Хмельницкого, конкурс был нужен И. В. Сталину для вступления в непосредственное и единоличное управление архитектурой. Проведением конкурса Сталин решил ряд задач, среди которых автор называет понижение социального статуса архитектурной профессии (поощрялась творческая самодеятельность народных масс), слом сложившихся внутрипрофессиональных связей (цель – превратить советских архитекторов в толпу одиночек, ожидающих сигнала сверху), создание новой иерархии на основе личной преданности и готовности менять убеждения и стиль по воле высочайшего заказчика. Такой стиль был выработан, он получил условное название «сталинского ампира», а сами сооружения, возведенные в годы руководства страной И. В. Сталиным, – сталинской архитектуры.

Основной характерной чертой сталинского ампира стала ансамблевая застройка улиц и площадей, в которой декор и композиция отдельного здания подчинялись композиции улицы, площади, города. К композиционным прин-

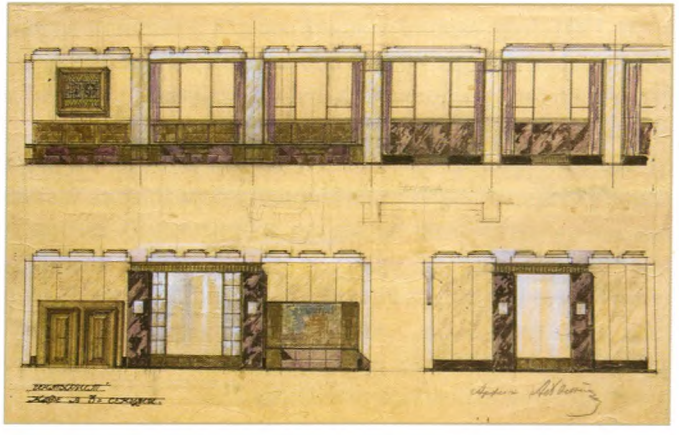
ципам ансамбля были отнесены центричность, симметрия, утяжеление книзу, устремленность вверх с помощью статуй, башен, шпилей. Эти принципы воплощались и в отдельном здании, которое выглядело монументальным, тяжеловесным. Был введен принцип «синтеза искусств», то есть украшение архитектуры скульптурой и живописью. Эмоциональное воздействие архитектуры подчинялось канонам советской идеологии: она обязана быть радостной, приподнятой и ликующей, изображать восторг и величие.

Исследователи, занимающиеся вопросами «сталинского ампира», подчеркивают, что теории сталинского стиля как таковой не существовало, творящий в этой области был вынужден считаться с набором приемлемых образцов и основных требований, за рамки которых было нельзя выходить. Так, в архитекторских проектах разрешалось использовать только элементы классики, опирающиеся на античность Древней Греции и Рима, итальянское Возрождение, русский ампир. Готика, модерн, барокко, западный функционализм и конструктивизм считались недопустимыми, нежелательной была и эклектика. Если архитектор последовательно принципиально работал в одном стиле, то его критиковали за «механическое копирование»[35]. По мнению М. Г. Мееровича, «сталинский ампир» не должен рассматриваться только по канонам стиля ввиду того, что архитекторы были отчуждены от решения социальных задач, которые были переложены на партийно-государственные органы. Окончательный вердикт проекту оставался за последней инстанцией, то есть ни о какой свободе творческого поиска речи быть просто не могло. Партийно-государственное руководство, заменившее собой профессиональную этику, лежало и в основе изменений в архитектурной иерархии, положение в которой основывалось на «личной преданности» советского зодчего[36].

Ситуация в архитектуре в 1930-е годы складывалась таким образом, что фактически произошел возврат к тому, что было близко А. В. Холопову по его склонностям и пристрастиям. Однако каноны классики требовали нового осмысления, связанного с реалиями бытия. Добиваться совершенства стиля на основе законов его существования в этих условиях было практически невозможно – примером тому стали судьбы многих советских зодчих, вычеркнутые из списка профессиональной элиты одним росчерком пера. Такое положение касалось каждого архитектора, какое положение в служебной иерархии он бы не занимал. Однако разобраться во всем этом и принять такое положение дел человеку, жившему в ту эпоху, было достаточно сложно.

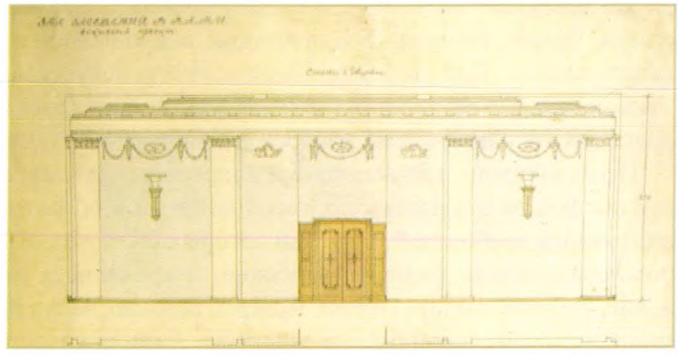
Местом работы А. В. Холопова в Ленинграде стала мастерская № 3 государственного треста «Ленпроект», которой руководили И. И. Фомин[37] и Е. А. Левинсон[38]. Можно предположить, что в мастерскую А. В. Холопов был принят благодаря дореволюционному знакомству с И. А. Фоминым.

По воспоминаниям архитекторов, мастерская № 3 (с конца 1940-х годов – № 5) считалась ведущим проектным коллективом Ленинграда. А. В. Холопов работал вместе со многими известными архитекторами города, среди которых: Я. Я. Мацкевич, М. П. Савкевич, А. М. Соколов, С. И. Евдокимов, С. С. Пяцковская, Д. С. Гольдгор и др. В довоенные годы силами этого творческого коллектива были разработаны и воплощены в жизнь проекты, относимые специалистами к программным в истории архитектуры Ленинграда: Дом специалистов на Карповке (1931-1935), жилой дом на Петровской на-



Интерьер кафе гостиницы «Интурист». Каталог, 35

бережной (1932-1940), Дом легкой промышленности на Садовой улице (1936-1950-е), ансамбль жилых домов на Ивановской улице (1936-1951), здание Дома Советов Володарского района (1937-1940)[39].



Зал заседаний Всероссийского алюминиево-магниевого института. Эскизный проект. Стена с дверью. Каталог, 34

1930-е годы были периодом становления не только мастерской, но и ее руководителей: они прошли путь от увлеченности авангардом до осмысления классических традиций, получили признание в качестве ведущих зодчих Ленинграда. Тогда же сложился их творческий тандем, сочетавший мастерство архитектурной детали и блестящие качества рисовальщика Е. А. Левинсона с аналитическим умом, организаторскими способностями И. И. Фомина. Исследователи выделяют три периода в довоенном совместном творчестве двух архитекторов: 1929-1932 годы – использование форм и композиционных приемов конструктивизма, 1933-1936 годы – поиск собственного «формального словаря» и композиционного индивидуального почерка; 1937-1941 годы – «освоение и развитие классического архитектурного наследия», отказ от собственных достижений предыдущего периода[40].

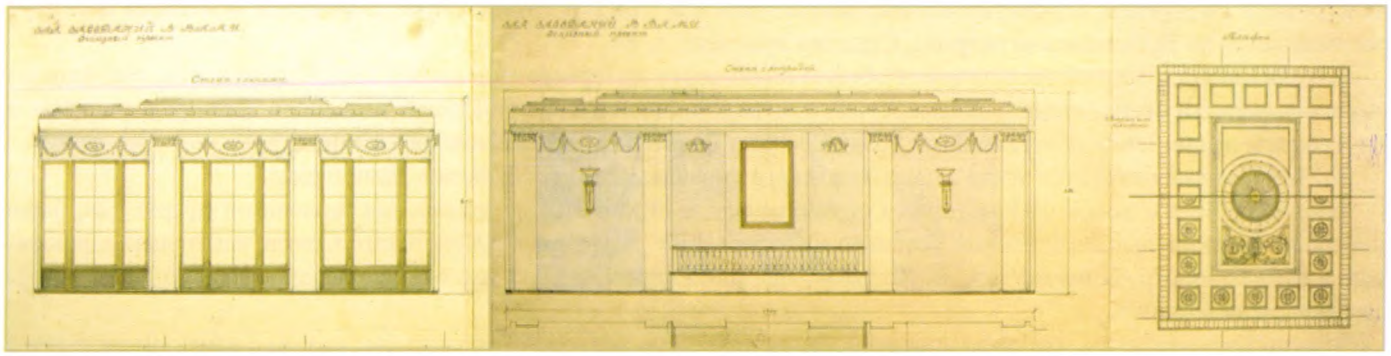
Можно согласиться с данной периодизацией, но попробуем определить этапы творчества А. В. Холопова, основываясь на источниках. В ленинградский период выделяются два вида работ архитектора, первым из которых является оформление интерьеров.

В составе мастерской А. В. Холопов принял участие в оформлении гостиницы «Интурист», что отражено на одном из его эскизов. Проект здания гостиницы «Интурист» связан с застройкой участка на Петровской набережной напротив Летнего сада. Это строительство имело особую значимость и общественный резонанс, так как здание должно было вписаться в панораму ряда исторических архитектурных сооружений: Петропавловской крепости, Мраморного дворца, Биржи и др. Первоначально здесь планировалось построить жилой дом, в объявленном в 1930 году конкурсе победителем стал проект жилого дома И. И. Фомина и Е. А. Левинсона.

В 1931 году ленинградские власти изменили задание, решив построить на данном участке гостиницу «Интурист». Архитекторы вновь послали проект на конкурс и получили I премию. Здание было решено в формах конструктивизма, но, несмотря на выигранный конкурс, архитекторам было предложено переделать проект здания, сделав его более монументальным[41].

Первый проект отличается цельностью и легкостью композиционного решения, асимметрией (центральный вход сдвинут вправо), явно выраженными горизонталями оконных полос как одной из характеристик стиля. Второй – более монументальный: на тех же конструкциях авторы ввели элементы, которые придали гостинице более весомый и значимый вид. Так, архитекторы пришли к идее кессонированной[42] стены, зрительно оторванной от основного объема здания. Монументальность зданию также придавали значительно выступавший карниз, вход, расположенный в центре фасада, – портал на высоту двух этажей сооружения. Историки архитектуры выделяют этот проект как этапный в поисках индивидуального стиля творческого содружества Фомина и Левинсона, определив его как «монументальный конструктивизм»[43].

Упоминание о кафе, интерьер которого было поручено разработать А. В. Холопову, есть в статье Е. А. Левинсона в журнале «Архитектура Ленинграда»: «В первом этаже кроме основного вестибюля с группой портье, подъемника-



Зал заседаний Всероссийского алюминиево-магниевого института. Эскизный проект. Стена с окнами. Стена с эстрадой. Плафон. Каталог, 33

ми, главными лестницами, гардеробными, багажным помещением с отдельным входом и т.п. находятся: вестибюль ресторана, кафе, банкетный зал, биллиардная, холл; вестибюль «Интуриста», операционный зал бюро путешествий, группа помещений управления «Интуриста»; комната гидов, парикмахерская, выставочное помещение, два магазина и подсобный вестибюль гостиницы»[44].

Между тем начатое строительство было остановлено. В Ленинградском отделении Союза архитекторов СССР развернулась дискуссия по поводу уместности стиля здания, в которой оппоненты одержали верх. На заложенном фундаменте и в пределах каркаса строящейся гостиницы был построен жилой дом для Наркомата ВМФ СССР.

И все же идеи, не реализованные в этом проекте, не ушли в небытие. В том же творческом составе был сделан еще один проект здания подобного типа – отеля «Интурист» для Кисловодска (построено в 1935 году). Несмотря на то что здание было трехэтажным, имело несколько корпусов, расположенных на разном уровне грунта, в его основе лежал проект ленинградской гостиницы. Однако от конструктивистских решений здания авторам пришлось отказаться полностью. А. В. Холопов также был привлечен к работе над этим зданием: его фамилия встречается на эскизах и чертежах различных деталей отделки интерьера[45].

Таким образом, войдя в состав мастерской № 3, А. В. Холопов оказался в гуще событий архитектурной жизни. Он включился в работу над одним из планируемых знаковых сооружений Ленинграда, расположенного в историческом месте. Практически сразу он столкнулся с ситуацией, когда разработанный проект вызвал дискуссию и был отклонен, что сопровождалось резкой критикой его авторов. Несмотря на такие сложные условия работы мастерской, она уже в предвоенные годы стала ведущим архитектурно-проектным учреждением Ленинграда. В этом есть заслуга и А. В. Холопова. По-видимому, вначале в мастерской ему была поручена работа над интерьерами, на что мог повлиять его дореволюционный опыт.

Источники называют еще три интерьерных проекта архитектора, выполненные в Ленинграде. В начале 1930-х годов А. В. Холопов работал над оформлением зала заседаний Всероссийского алюминиево-магниевого института (ВАМИ).

Всероссийский алюминиево-магниевый институт был создан в 1931 году. Учреждение с момента основания специализировалось на научных исследованиях и проектировании в промышленности легких металлов. ВАМИ стал родоначальником таких сфер промышленности, как металлургия легких металлов, получение глинозема и цемента. За советский период было построено более 40 предприятий по производству глинозема, алюминия, магния и

электродной продукции, спроектированных институтом для СССР и других стран. С момента основания институт располагается на Васильевском острове, Средний проспект, д. 86.

Сохранившиеся эскизы представляют общую планировку интерьера отдельных частей помещения, так называемые «разверстки стен»: стена с окнами, стена с эстрадой, стена с дверью. Проект интерьера дает представление о внутреннем оформлении общественных зданий в эпоху формирования сталинского ампира.

К 1930-м годам относится эскиз отделки кабинета управляющего Госбанком в Ленинграде.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в стране началось строительство зданий для банковской сферы. Так, были построены региональные отделения Госбанка и Промбанка в ряде городов Советского Союза, как правило, решенные в рамках конструктивизма[46]. А. В. Холопов оформлял интерьер Госбанка в более поздний период, когда вкусы заказчиков изменились.

Можно предположить, что заказ проектирования интерьера конторой Госбанка был связан с изменением статуса города. В декабре 1931 года произошло выделение города Ленинграда в самостоятельную административную единицу СССР и придание ему наряду с Москвой статуса города республиканского и союзного значения. Это потребовало структурных и организационных преобразований органов государственного управления в Ленинграде и Ленинградской области, в связи с чем Ленинградская контора Госбанка СССР была разделена на областную и городскую конторы, что могло потребовать нового обустройства.

Эскизы представляют еще один проект, над которым архитектор работал в 1936 году, – оформление интерьеров магазина, предположительно, ювелирного.

К сожалению, большинство имеющихся в Национальной галерее Республики Коми эскизов, вследствие прежде всего их рабочего характера, не дают возможности представить окончательное решение интерьеров, определить их особенности, стилевые характеристики, однако они определяют круг тех проектов, в которых участвовал архитектор.

Таким образом, в 1931-1936 годах, работая в мастерской № 3 «Ленпроекта», А. В. Холопов, участвуя в общих разработках, занимался внутренней отделкой помещений. Как мы видим, он проектировал интерьеры общественных зданий в самых разных сферах: банковской, гостиничной, научной, торговой. Допуск А. В. Холопова к выполнению таких заказов свидетельствовал о его хорошей репутации как специалиста по интерьерам.

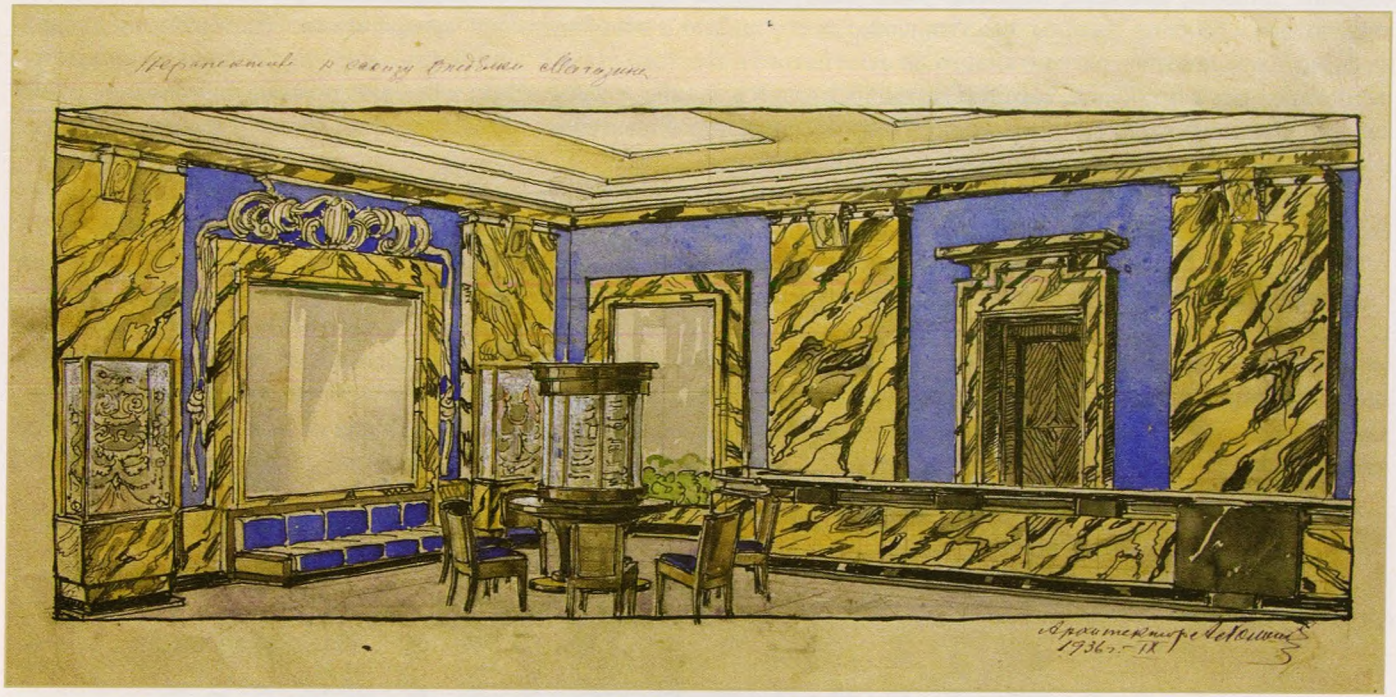
В работе самой мастерской не все было гладко: в этот сложнейший период в архитектуре шла мощная переориентация стилей, сопровождавшаяся ужесточением государственного контроля, выраженная прежде всего в усилении критики, под которую подпадали и руководители мастерской, и проекты.

Источники также представляют второй вид деятельности архитектора – проектирование жилых зданий.

Одной из важнейших задач первых пятилеток, от решения которой зависели темпы промышленного развития страны, стало строительство жилья. Генеральный план развития Ленинграда уделял значительное внимание строительству крупных жилищных массивов в новых районах. Одним из них должен был стать район бывшей деревни Щемиловка на юго-востоке города. В 1933 году был объявлен закрытый конкурс на ее планирование и застройку, который выиграли И. И. Фомин и Е. А. Левинсон. Насколько масштабной была последующая работа, показывает факт, что строительство этого микрорайона было начато в середине 1930-х и завершено к 1960-м годам[47].

Основная работа по планированию была проведена в 1930-е годы. К удачам зодчих была отнесена поквартальная разбивка района, позволившая изолировать внутренние дворы от уличного шума, озеленить их, разместить в них детские учреждения. Впоследствии поквартальная планировка вошла в массовую архитектурную практику.

Другим значимым событием стала застройка в 1936–1938 годах Ивановской улицы (Е. А. Левинсон, И. И. Фомин, С. И. Евдокимов). Непротяженная, всего 470 м длиной, Ивановская улица становилась частью строящейся магистра-



Эскиз отделки магазина. Перспектива. Каталог, 29

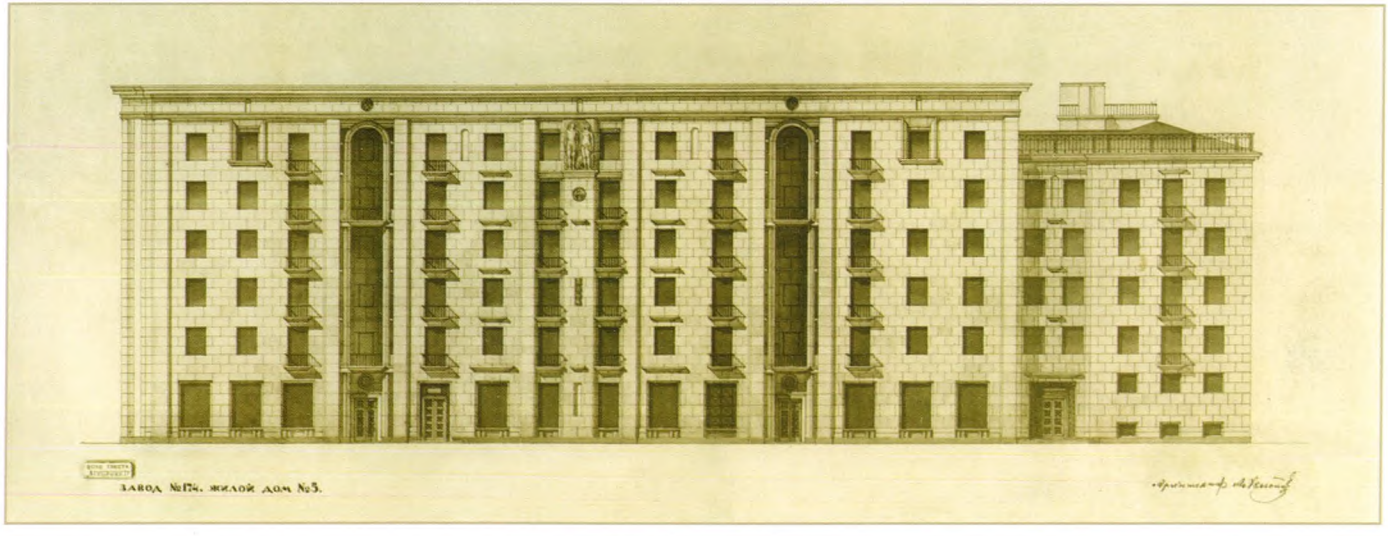
ли, ведущей к новому административному центру на Московском проспекте. Требования к проектированию жилых домов на таком значимом участке были иными, особое внимание уделялось парадному оформлению внешней стороны фасадов зданий. Позднее Е. А. Левинсон писал: «Работа над поиском пластических форм, над образом жилых зданий, организующих улицу, шла по линии создания сильно выраженной монументальности…»[48].

Итогом творчества архитекторов стали десять однотипных, построенных по двум сторонам улицы жилых зданий, ставших ярким примером сталинского ампира.

В проекте авторы использовали элементы классического наследия, ставшие позднее в их творчестве традиционными: пилоны, колонны, портики, резко выступающие карнизы. Явным украшением фасада зданий являются квадратные в сечении пилоны, выступающие за его линию и объединяющие четыре этажа. Эта вертикаль продолжена мотивом портика, рассчитанного на окна пятого и шестого этажей и имеющего две углубленные колонны. Чередование этих вертикалей, соответствующих входам в здание, с элементами классики, а также чередование самих зданий, имеющих строгую симметрию и выстроенных последовательно, создало эффект торжественной, парадной, несколько гипертрофированной в своем масштабе улицы.

Жилые здания на Ивановской улице стали одним из проектов, в которых И. И. Фомин и Е. А. Левинсон заявили о себе как лидерах нового стиля. Рассмотрим проект А. В. Холопова, обозначенный как жилой дом № 5 завода № 174.

Само здание 6-этажное, состоящее из двух частей, перпендикулярных друг другу и имеющих общую грань. Фасад здания выдержан в традициях классики: строгая симметрия всех элементов по отношению к центральной оси, которая выделена рядом декоративных включений, завершающихся на уровне последнего этажа рельефным изображением двух человеческих фигур. Помимо центральной оси, условно обозначены две боковые, также симметричные по отношению друг к другу и представляющие собой ниши, расположенные над входом в подъезды на всю высоту здания в обхват одного окна. В декоративном исполнении интересно использован мотив колонн в нишах, имеющих членение на три и два этажа, заканчивающихся аркой. Общую картину фасада здания дополняют выступающий



Проект жилого дома. Вид со стороны фасада. Каталог, 136

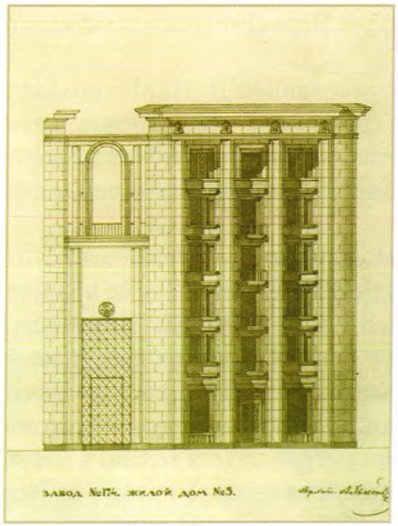
карниз, рустовка стен, металлические балконы и окна большого формата на первом этаже, подразумевающие его общественное назначение.

Лаконизм и красота, отражающие петербургские традиции, – так кратко можно выразить основные, заложенные в проекте здания архитектурные принципы.

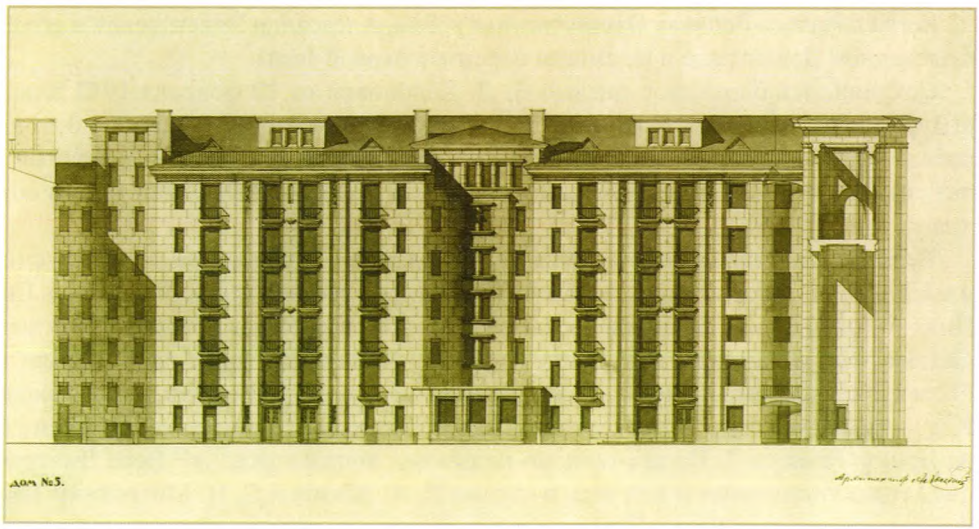
Уточняющая информация по проекту жилого дома А. В. Холопова была выявлена в Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга. Оказалось, что данный дом был предназначен для рабочих и служащих завода им. К. Ворошилова, а местом строительства определен квартал № 3 микрорайона Щемиловка. Технический проект дома завершен в 1938 году; автором, ответственным проектировщиком и его разработчиком выступал А. В. Холопов. На генеральном плане расположения дома № 5 определены его координаты – перекресток Параллельной улицы и проектируемой площади, не имевшей еще собственного названия[49].

Дальнейшее уточнение исторических названий улиц сконцентрировало поиски на более конкретном участке. В 1930-е годы Второй параллельной улицей назывался участок улицы Седова между Фарфоровой улицей и д. 87, находящимся как раз на ее пересечении с Ивановской улицей[50]. Довоенная застройка улицы велась только по одной ее стороне, а искомый дом образует перпендикуляр к крайнему из парадных домов Ивановской улицы (ул. Седова, 88).

Дом, находящийся по этому адресу, воплощен по измененному проекту. Самые большие коррективы внесены в связи с отказом устройства площади на перекрестке Ивановской и Параллельной улиц – построена только одна часть здания, выходящая на ул. Седова (Параллельную). По иному выглядит и фасад – убрана центральная ось, создающая цельность композиции, ее место заняло чередование подъездов. Торец здания, выходящий на Ивановскую улицу, содержит элементы архитектуры соседних домов: выделение окон пилонами, доходящими до четвертого этажа. Благодаря пилонам, одинаковой этажности, резко выступающему карнизу здание (вид с торца) вливается в ансамбль И. И. Фомина и Е. А. Левинсона.



Проект жилого дома. Вид с торца. Каталог, 137



Проект жилого дома. Вид со стороны двора. Каталог, 135

Таким образом, итогом творческой работы архитектора по планированию микрорайона Щемиловка стал проект жилого дома, эстетику которого отличают лаконизм средств выражения, парадность фасада, связь с петербургскими классическими традициями. Однако решение дома оказалось отличным от того русла, в котором работали руководители мастерской и которое было востребовано в системе сталинской архитектуры. Дом был воплощен с коррективами, которые убрали парадный характер здания и подчинили его ансамблю Ивановской улицы. На наш взгляд, тот факт, что проект был изменен, имел не только стилистическую, но и общественную подоплеку.

Становление сталинского ампира как единственно возможного стиля в советской архитектуре осуществлялось через Союз советских архитекторов, в рамках деятельности которого проходила травля неугодных власти лиц. Ленинградская организация Союза архитекторов, членом которой состоял А. В. Холопов, неоднократно подвергалась критике со стороны центрального аппарата. Союз архитекторов, вобравший в себя или разгромивший все иные объединения, на протяжении трех лет сосуществовал с Ленинградским обществом архитекторов-художников (Общество было ликвидировано постановлением Президиума оргкомитета в 1935 году). В этом же году состоялось творческое совещание архитекторов с целью покончить с келейностью ленинградской организации[51].

В 1936 году под предлогом неуплаты членских взносов была проведена чистка рядов Союза. В циркулярном письме оргкомитета Союза архитекторов СССР от 10 декабря 1936 года было изложено требование погасить задолженности в течение 10 дней. В письме категорично сказано, что «непогашение таковой повлечет автоматическое исключение из состава членов ЛОСА с ограничением права вступления в Союз вновь»[52]. 27 декабря 1936 года правление Ленинградского отделения Союза советских архитекторов исключило из членов ЛОСА среди других А. В. Холопова[53].

С утверждением сталинского стиля в стране не только полностью поменялась профессиональная элита, но и рядовые архитекторы также были разделены на тех, кто получал официальное дозволение на работу, признание, материальный и моральный успех, и кто нет. Из первой когорты шло мощное вымывание специалистов с дореволюционным стажем. А. В. Холопов практически сразу, в одной из первых чисток, выбыл из этой складывающейся системы.

Когда началась Великая Отечественная война, Александр Викентьевич и его супруга Вера Дмитриевна остались в блокадном Ленинграде и не смогли пережить первой зимы.

Сохранилось блокадное письмо В. Д. Холоповой от 12 февраля 1942 года, адресованное Д. И. Митрохину: «Шура умер... я думала тоже умру... у меня какой-то злостный бронхит был или грипп, я не могла ходить... все делала через силу, вызвала доктора Шуре, просила взять в больницу, полный отказ, и доктор (молодая женщина) сказала, что «ничего особенного», – а в тот же день Шура стал терять сознание, не мог встать и через два дня умер»[54].

Вера Дмитриевна осталась одна в пустой квартире перед лицом голодной смерти. «У меня была пшенная крупа и масло, но те, которые пришли убрать Шурин труп, украли и крупу и масло». Спасли Веру Дмитриевну ее подруга Нина Александровна Абкина и соседка Клавдия Маккавеева, с которыми был хорошо знаком и Дмитрий Иванович. «Кланя меня приютила... давала мне конфеты, поила чаем – одно время только это и была моя еда, на хлеб у меня были куплены дрова. Кланя их взяла, топила свою комнату, Ниночка достала сиропа сладкого, сыру, котлет для меня. Кланя давала мне чуточку макарон или каши из того, что приносила для своей дочки. <...> Худа я ужасно – похожа на мумию Рамзеса II. Но все-таки, по-видимому, поправилась…»[55] Вера Дмитриевна умерла спустя месяц, в марте 1942 года. Упоминание о ней есть в письме Н. А. Абкиной Д. И. Митрохину: «За это время пришло письмо от Рии все еще на имя тети Веры. Бедная, она так грустит по своим – Герману и Александру Викентьевичу и не знает, что судьба приготовила ей новый удар. Ведь с матерью она была очень близка и нежна»[56].

Ариадна Александровна Шмидт, в то время работавшая сотрудником Государственного Эрмитажа, была эвакуирована вместе с музейными фондами в Свердловск. Поиски своей профессии и унаследованная от родителей любовь к искусству привели А. А. Шмидт в Государственный Эрмитаж, в котором она проработала с 1937 по 1982 год. Все эти годы она занималась гравюрой, была научным сотрудником отдела западноевропейской графики, хранителем собрания гравированных портретов и графических материалов по истории костюма. Как специалист она считалась великолепным знатоком истории костюма, быта и интерьера[57].

А. А. Шмидт с внуками. Ленинград, 1970-е гг.

Таким образом, на примере рода Холоповых можно проследить изменения социального статуса его представителей: от государственных крестьян, занявшихся деятельностью, не связанной с сельским хозяйством, – иконописью, до творческой интеллигенции. Именно А. В. Холопов, находясь на стыке двух культур, определил одним из дальнейших путей развития рода непосредственную взаимосвязь профессиональной деятельности и изобразительного искусства.

Последний период жизни А. В. Холопова пришелся на время формирования культа личности Сталина. В настоящем исследовании он остается наименее изученным вследствие малого количества выявленных источников, а также недостаточностью литературы, освещающей многосложные проблемы эпохи в контексте рассматриваемых вопросов.

Возвращение архитектора в Ленинград дало ему десятилетие насыщенного труда, архитектурной практики, сотрудничество в мастерской № 3 «Ленпроекта». Участие в градостроительных планах, оформлении интерьеров общественных зданий было той работой, о которой он мечтал в Усть-Сысольске и Архангельске.

Творчество А. В. Холопова всегда носило индивидуальный характер, поэтому ему сложно было приспособиться к условиям работы в мастерской. Профессиональный менталитет художника и архитектора был по-прежнему ориентирован на авторство в проекте, право на которое в советские годы имели не все архитекторы, а только те, кто по своей должности был отнесен к разряду руководителей. Ситуация, от которой он ушел в Архангельске, связанная с ответственностью архитектора за окончательное воплощение своего проекта, вновь встала перед ним. Стремление к высокому уровню профессионализма и авторской ответственности за проект, ограниченное принципами разделения труда в мастерской, старый подход к межличностному профессиональному общению не позволили ему в полной мере вписаться в существовавшие реалии. К тому же с возрастом росла изолированность, а вместе с ней – душевный дискомфорт.

С созданием Союза архитекторов общественная значимость профессии зодчего определялась и членством в этой организации. Исключение А. В. Холопова из Союза означало отнесение его к той группе лиц, которая не могла быть поддержана властью. Ни о какой благосклонности власти речи и быть не могло: в 1930-е годы начались репрессии над теми, с кем он работал в Усть-Сысольске, в любое время мог открыться факт его помощи семье А. Ф. Керенского – все это могло стать причиной обвинения его под ярлыком «врага народа». По сути, он стал представителем того поколения, которому был дан совсем недолгий срок для раскрытия своих возможностей, прерванный Октябрьской революцией, после которой началась эпоха уже следующего поколения, и только самые яркие представители предыдущего смогли остаться у руля.

[1] Хан-Магомедов С.О. Указ. соч. С. 9.

[2] Хмельницкий Д.С. Сталин и архитектура [Электронный ресурс] / Д. Хмельницкий // Архитектура России: российский архитектурный портал. Разд.: Публикации. Режим доступа: http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hmelnitsky.htm . Дата посещения: 19.07.2009.

[3] ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 750. Л. 2.

[4] ГААО. Ф. 530. Оп.1. Д. 25. Л. 397, 482.

[5] Памятники и памятные места борьбы трудящихся Севера против интервентов и белогвардейцев. Архангельск, 1950. С. 18-19.

[6] ГААО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 21. Л. 4.

[7] Ф.Я. Давыдов был репрессирован: 23 ноября 1937 г. арестован, 28 августа 1938 г. тройкой УНКВД по Архангельской области по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР незаконно приговорен к расстрелу. Умер до исполнения приговора. 8 декабря 1956 г. полностью реабилитирован посмертно. (Поморский мемориал: Книга Памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1-3: А-Я. Поимённые списки жертв политических репрессий [Электронный ресурс] / ПГУ // Возвращенные имена. Северо-Запад России / Российская Национальная библиотека. Разд.: Электронные книги памяти. Режим доступа: http://visz.nlr.ru/search/lists/arch1/228 0.html. Дата посещения: 8.07.2009.

[8] ГААО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 21. Л. 7а, 8.

[9] ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 824. Л. 84.

[10] ГААО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 21. Л. 8, 9; Д. 25. Л. 1.

[11] Так, еженедельно на 50 человек отпускалось 2 фунта чаю и 350 булок, не считая ситного хлеба, а также сахара из расчета 2 кг в месяц на человека. (ГААО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 25. Л. 10-11.)

[12] ГААО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 21. Л. 22, 25.

[13] ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 824. Л. 89.

[14] Годнев Н. Остров смерти / Н. Годнев // Памятники Архангельского севера. Архангельск, 1983. С. 79.

[15] Куратов А.А. Мемориальный историко-революционный музей на острове Мудьюгский / А.А. Куратов // Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 243.

[16] ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 119. Л. 10.

[17] ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 824. Л. 459.

[18] ГААО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 421. Л. 79.

[19] Барашков Ю.А. Архангельск. Архитектурная биография / Ю.А. Барашков. Архангельск, 1984. С. 81.

[20] ГААО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 421. Л. 83.

[21] Там же. Л. 74, 80, 81, 89.

[22] Там же. Л. 84.

[23] Архангельск глазами современника XX века / авт.-сост. С. Ефремова. Архангельск, 2004. С. 47.

[24] Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия. Из записок иностранца / В.И. Смирнов; сост. Ю.В. Дойков. Архангельск, 1992. С. 45.

[25] Барашков Ю.А. Указ. соч. С. 84.

[26] Гершельман В.Г. Большой Архангельск / В. Гершельман // Новый Север. 1937. № 1. С. 75-76.

[27] ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 119. Л. 10.

[28] Фонетический институт практического изучения языков был основан после революции известным русским лингвистом Д.Л. Щербой (1880-1944). В 1920-е гг. институт пользовался заслуженной известностью, функционировал он как курсы иностранных языков, как западноевропейских, так и восточных. Известно, что Д.Л. Щерба занимался и коми языком, так, с 1921 г. он проводил неоднократные консультации по созданию письменности коми. Возможно, в семье Холоповых считали, что вырваться дочери из Усть-Сысольска можно, только занявшись лингвистикой коми языка, однако внутренних стимулов к этому у нее не было. В дальнейшем в рабочей анкете сотрудника Государственного Эрмитажа А.А. Шмидт отмечала: «..читаю на французском и на немецком со словарем, на польском читаю довольно свободно. По своей работе имею дело со всеми европейскими языками, и во всех них как-то разбираюсь, кроме венгерского и финского…» (венгерский, финский и коми принадлежат к одной группе языков – прим. автора). (ГЭ. Архив. Ф. 1. Оп. 15. Д. 142. Л. 23 об.)

[29] ГЭ. Архив. Ф. 1. Оп. 15. Д. 142. Л. 4.

[30] Книга о Митрохине. Статьи. Письма. Воспоминания / сост. Л. Чага. Л., 1986. С. 32, 435.

[31] Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / К.С. Петров-Водкин; вступ. ст. Е.Н. Селизарова ; коммент. Е.Н. Селизарова. М., 1991. С. 275.

[32] Впоследствии «Ленпроект» был переименован и стал более известен как Ленинградский научно-исследовательский институт по жилищно-гражданскому строительству Главного архитектурно-планировочного управления исполнительного комитета Ленинградского городского совета (Ленниипроект ГЛАВАПУ).

[33] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева, сост. А. Артазов, О. Наумов. М., 1999. С. 173.

[34] Хмельницкий Д. Зодчий Сталин / Д. Хмельницкий. М., 2007. С. 141.

[35] Там же. С. 209.

[36] Меерович М.Г. Проблемы изучения сталинского периода советской архитектуры [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектор Павел Алешин / В. Алешин. Разд.: Публикации. Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/meerovich/meerovich_ampir.html. Дата посещения: 4.12.2010

[37] Игорь Иванович Фомин (1904-1989) – ведущий советский архитектор, сын И.А. Фомина. Начав архитектурную практику под руководством отца, он после окончания Академии художеств сразу поступил на работу в Стройком, где прошел путь от рядового архитектора до руководителя мастерской. Без его имени невозможно представить застройку Ленинграда в советские годы.

[38] Евгений Адольфович Левинсон (1894-1968) – советский архитектор, ученик И.А. Фомина, также ставший признанным мэтром советской архитектуры, мастер конструктивизма и сталинского ампира, многие из проектов выполнил совместно с И.И. Фоминым.

[39] Архитекторы об архитекторах. Ленинград – Петербург. XX век / сост. Ю.И. Курбатов. СПб., 1999. С. 181-182.

[40] Вайтенс А.Г. Игорь Фомин / А. Вайтенс // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохватилова. СПб., 2000. С. 298-299.

[41] Фотографии обоих проектов гостиницы есть в фонде Е.И. Левинсона в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 487. Оп.2. Д. 1. Л. 3, 4.)

[42] Кессоны – квадратные или многоугольные декоративные углубления в потолочном своде или на внутренней поверхности арки, известные еще с архитектуры Древней Греции. И.И. Фомин и Е.А. Левинсон впервые употребили их в декоративном оформлении стены.

[43] Вайтенс А.Г. Указ. соч. С. 300.

[44] Левинсон Е.А. Гостиница «Интурист»: архитекторы Е. Левинсон и И. Фомин // Архитектура Ленинграда. 1934. № 10. С. 64.

[45] ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-3. Д. 390. Л. 16.

[46] К примеру, конструктивистское здание, построенное для отделения Госбанка в Архангельске, было снесено, построенное в Сыктывкаре однотипное здание сохранилось до наших дней.

[47] Левинсон Евгений Адольфович: Постройки, проекты, графика / ред. А.В. Иконников, вступ. ст. Н.Я. Лейбошиц. Л., 1965. С. 17, 19.

[48] Лисаевич И.И. Евгений Левинсон / И. Лисаевич // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В.Г. Исаченко; под ред. Ю.В. Артемьевой. СПб., 2000. С.283.

[49] ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-3. Д. 231. Л. 1.

[50] Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 10 000 городских имен / под ред. А.Г. Владимировича. СПб., 2002. С. 336.

[51] Архитектура СССР. 1935. № 7. С. 1.

[52] ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

[53] Там же. Л. 24, 30.

[54] ГРМ. Отдел рукописей. Ф. 142. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

[55] Там же. Л. 2.

[56] ГРМ. Отдел рукописей. Ф. 142. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

[57] Ее муж, Г.Н. Шмидт погиб в Ленинграде в 1941 г. После войны А.А. Шмидт одна воспитала двух дочерей. Старшая Ольга (по мужу Скобло) работала в научно-исследовательском институте твердых тел, младшая – Марианна (по мужу Столярова) – аппаратчицей в Промстройпроекте (ГЭ. Архив. Ф. 1. Оп. 15. Д. 142. Л. 18.) В последующих поколениях рода Холоповых есть представители творческой интеллигенции. Так, праправнучка А. В. Холопова – Дорина Шмидт, современный художник-аниматор.